

Глаза Тан Тана изогнулись, как месяц, и он надменно сказал:

— Я просто знаю.

Я просто знаю, потому что я действительно видел его.

Золотой солнечный свет и пёстрые тени деревьев за окном живописно расцветали, подросток сидел у окна, черты его лица были трогательными.

Третий вебтун — холодная, мрачная тюрьма. Предыдущие события не были подробно изображены, просто поворот сюжета: подросток в тонкой одежде сжался в углу камеры, перед ним сидели несколько здоровенных громил, которые смотрели на него и отпускали похабные шутки.

Подросток опустил глаза, смотря на холодный пол, на его лице были синяки и шрамы, оставшиеся после отчаянного сопротивления. Он думал: «Кто же придёт меня спасти?

Если это будет божество, я буду верить в него всю жизнь.

Если это будет дьявол, я без колебаний паду».

В отчаянии дверь тюрьмы открылась, снаружи стоял Сы Ханьцзюэ и протягивал к нему руку.

Подросток поднял глаза, полные слёз.

На застывшем кадре подросток думал: «Господин Сы, вы божество или дьявол?

Но кем бы вы ни были, кажется, вы мне немного нравитесь».

Глухая жгучая боль вырвалась из глубины сердца, в глазах запершило. Тан Сяотан замешкался на несколько секунд, и слеза скатилась вниз.

Он поспешно начал искать следующие вебтуны, многие последующие события были плодом фантазий Тан Тана — просто повседневные мелочи романтических отношений с господином Сы.

Он хотел прокатиться с господином Сы на колесе обозрения и, поднявшись на самую высокую точку, признаться господину Сы в любви под сиянием звёзд.

Он хотел, когда ночь будет углубляться, приготовить горячую еду и с улыбкой ждать возвращения господина Сы под ярким светом ламп.

Он хотел в свободные выходные дни устроиться с господином Сы на диване: господин Сы усердно работает, а он в это время на мольберте рядом будет рисовать портрет, изображая черты лица господина Сы.

За окном ветви были изумрудно-зелёными, солнечный свет струился, как золотая пыль, а на подоконнике сидела глуповатая маленькая воробьяха и смотрела на них, склонив голову набок.

Тан Сяотан шмыгнул носом, глаза распухли.

Тёплое пламя медленно разгоралось в его груди.

Пламя яростно горело, мгновенно испепелив всё его сознание. Тан Сяотан схватился за голову

и мягко упал.

Звук воды прекратился. Погода была прохладной. Когда Сы Ханьцзюэ вышел, лёгкий водяной пар рассеялся, словно слой влажной вуали. Заботясь о Тан Сяотане, он специально надел пижаму перед выходом. Серебристо-серая хлопковая пижама придавала его лицу нежное и сдержанное выражение.

Сы Ханьцзюэ вытирал волосы, его тёмные брови и глаза, намокшие от воды, были особенно чёткими. Его взгляд упал на кровать, и он увидел маленького мармеладного мишку, лежащего перед планшетом и уже мирно посапывающего во сне. На бумаге была лишь одна линия, словно след ползущей гусеницы.

Сы Ханьцзюэ беспомощно улыбнулся, вытер капли воды с рук и только потом осторожно поднял Тан Сяотана, уложив его рядом на подушке.

Из толстого одеяла сделали маленький уголок и мягко укрыли им Тан Сяотана.

Сладкий нежный аромат тонкими струйками расплывался в воздухе. Сы Ханьцзюэ лёг и нежно смотрел на свою маленькую конфетку.

Спящий мармеладный мишка, его круглые глазки прикрыты в тонкие щёлочки, одна пухлая щёчка расплющена, две маленькие ручки прижаты к груди, свернувшись в маленький комочек.

Сы Ханьцзюэ молча смотрел некоторое время, прежде чем, поддавшись лёгкой дремоте, медленно закрыл глаза.

Глубокой ночью мармеладный мишка болезненно простонал. То жгучее пламя глухо пылало, бесчисленные мелькающие отрывочные кадры проносились в его сознании.

Тан Сяотан издал сдавленный, похожий на всхлип, стон.

Бессчётные сцены, мелькавшие, как монтажные склейки, проносились в сновидениях, подобно осколкам. Тан Сяотан находился в полусне, прыгая между ясностью и сном. Внутри его прозрачного розового тела загорелся светящийся туман, похожий на звёздное облако, озаряя один уголок мира в безмолвной ночи.

Свет медленно вращался, подобно Млечному Пути, каждая звезда была динамичным кадром, и на каждом кадре был Сы Ханьцзюэ.

Улыбающийся, холодный, разгневанный, нежный — бесчисленные множества светящихся силуэтов собирались вместе, медленно освещая спящего в реальности мужчину.

Тонкое и яркое сияние отбрасывало пёстрые тени на тонкие веки Сы Ханьцзюэ. Мужчина нахмурился, глазные яблоки задвигались, казалось, он вот-вот проснётся.

Тонкая, бледная рука нежно легла на его глаза, мягко скрывая досадливый свет.

Бестелесная тень опустила взгляд, долго глядя на спящего Сы Ханьцзюэ. Наконец, тень наклонилась и запечатлела почтительный, прохладный поцелуй на лбу мужчины.

Эта ночь была обычной и в то же время необычной.

Когда Сы Ханьцзюэ проснулся, рядом не было мармеладного мишки. В воздухе сладкий аромат был липким и опьяняющим, чуть ощущался запах горелого.

Сы Ханьцзюэ пошевелил ноздрями и пошёл на кухню, следуя за этим запахом.

Когда раздались шаги, шипящий звук на кухне резко прекратился, металлическая лопатка со стуком упала на пол. С глухим звуком Тан Сяотан шлёпнулся на пол с полувоздушной высоты, его маленькое сердечко трепетало вместе с затихающим эхом упавшей лопатки.

В маленькой сковородке бурлило жёлто-оранжевое масло, на ней лежал хрустящий от жарки яичный блинчик. Плотный золотистый и пушистый нежно-белый цвета были тесно соединены. Один край белка, похожего на облачко, был примят, образуя полукруглую дугу, от другого конца отходил маленький острый угол — это было незавершённое сердце.

Тан Сяотан стоял на полу, кончиками маленьких ножек упираясь в пол, руки за спиной, глядя на внезапно вошедшего Сы Ханьцзюэ. В его маленьких глазах будто металась испуганная маленькая рыбка:

— Хозяин, доброе утро!

Сы Ханьцзюэ стоял в дверях кухни, волосы слегка растрёпаны, хлопковая пижама придавала ему уютную, домашнюю теплоту. Он взглянул на сковородку, сжал губы, и в его глазах внезапно мелькнула лёгкая краснота:

— Что ты делаешь?

Тан Сяотан украдкой наблюдал за выражением лица Сы Ханьцзюэ, его бешено колотящееся маленькое сердечко будто получило дополнительный моторчик, и он быстро-быстро начал объяснять:

— Готовлю хозяину завтрак! Яичницу, которую хозяин больше всего любит!

Тонкий нежный голосок звучал торопливо и быстро, словно он боялся, что Сы Ханьцзюэ что-то неправильно поймёт, и добавил лишнего:

— Яичницу-глазунью с жидким желтком, которую хозяин больше всего любит!

Сы Ханьцзюэ помолчал и лишь спустя время спросил:

— Откуда ты знаешь, что я это люблю?

Тан Сяотан, держа руки за спиной, переводил взгляд туда-сюда:

— М-м... просто знаю. Хозяин говорил во сне, да, хозяин разговаривал во сне!

Взгляд Сы Ханьцзюэ потемнел.

Тан Сяотан подбежал к его ногам, подпрыгнул и ловко запрыгнул в объятия Сы Ханьцзюэ, обнял хозяина и начал капризничать:

— Хозяин, скорее попробуй! Попробуй, вкусно ли!

Сы Ханьцзюэ скрестил руки на груди, чувствуя, что... что-то не так.

Но не мог понять что.

Упавшая лопатка, маслянистый хрустящий запах яичницы — всё это вызывало у него

необъяснимое чувство диссонанса.

Это чувство застряло в сердце, ни туда ни сюда, невыносимо тягостное.

Он опустил взгляд на мармеладного мишку, ждавшего похвалы, взял тарелку, положил на неё яичницу. Тарелка была небесно-голубой, на ней лежало нежно-жёлтое с белым яйцо, похожее на золотую рыбку, плывущую в бирюзовой воде, или на золотую птицу, выглядывающую из моря облаков.

Сы Ханьцзюэ с удивлением уставился на это яйцо, чувствуя, будто на его глазах толстый фильтр, и даже самый нелюбимый запах жареного масла был теперь пронизан тонкими сладкими нотками.

Он взял с кофеварки кофе, остывший как раз до нужной температуры, и поставил его на стол вместе с тарелкой. Задержавшись на мгновение, он с неким чувством церемонии поднял кофейную чашку:

— Выпьем?

Тан Сяотан нервно дрожал, когда увидел, как Сы Ханьцзюэ поднимает кофейную чашку, его маленькая голова ещё была немного заторможенной. В панике, одной рукой придерживая трусики, другой неуклюже достал наполовину съеденную конфету, одной рукой поднял её и торжественно чокнулся с кофейной чашкой:

— М-м, выпьем!

Авторское примечание: Немного застрял в тексте, потому что нарушил первоначальный ритм, хотел поскорее превратиться в человека и развить романтическую линию, изначально задуманная сюжетная линия мести должна быть сокращена, поэтому в последнее время не удалось достичь ежедневной цели в шесть тысяч иероглифов, а... дайте мне передохнуть, хнык.

В последнее время комментариев стало мало, вы что, разлюбили меня? Плач.

Благодарности: Спасибо всем ангелам, которые голосовали за меня или поддерживали питательным раствором в период с 2020-11-04 20:02:09 по 2020-11-05 23:10:32!

Спасибо бросившему гранату ангелу: Мировая зима — 1 шт.

Спасибо поливавшим питательным раствором ангелам: Великий мандарин — 20 флаконов; Складской управляющий Дайтэнта — 5 флаконов; куауа — 2 флакона; Оказывается, я всего лишь Ян — 1 флакон.

Огромное спасибо всем за вашу поддержку, я буду продолжать стараться!

<http://bllate.org/book/15589/1395460>